

Ивановский прорыв

Новое осмысление русского символизма

В течение нескольких десятилетий Вячеслав Иванов — один из крупнейших русских культурологов и исследователей античности начала XX века, заметнейшая фигура в русском символизме — был вытеснен на арьерсцену: на первом плане размещался «революционный поэт» Блок, прочим отводилась роль «спутников». Статья Н.В.Котрелева в биографическом словаре «Русские писатели» стала первым знаком того, что у нас утверждаются верные представления о роли Иванова в нашей культуре. В 1994–1995 годах последовало три весомых подтверждения, перепечатка «Диониса и прадиионисийства» (ее подготовило петербургское издательство «Алетейя»); номер «Нового литературного обозрения» (1994, № 10), составленный Котрелевым и целиком посвященный творчеству и биографии Иванова; книга М.С.Альтмана «Разговоры с Вячеславом Ивановым» (СПб, ИНАПРЕСС, 1995; статья и комментарии К.Ю.Лаппо-Данилевского).

О перепечатке «Диониса» сказать просто нечего: это не научное издание, а банальный репринт, ценность которого заключена только в том, что очень редкая книга, вышедшая в Баку в 1923 году, напечатана ныне тиражом 8000 экз. и может быть доступна студентам.

Номер «НЛО» был посвящен тому, чтобы пополнить запас опубликованных текстов Иванова и дать возможность сопоставить «легенду о самом себе» с биографией, основанной на документальных данных о событиях, происходивших «на Парнасе серебряного века». Символическая «культура праздности» была первичной по отношению к художествен-



Вячеслав Иванов.
Рисунок К.Сомова.
1906 г.

ным текстам, понять которые без знания специфического театрализованного быта практически невозможно. Это же касается философии и культурологии: не случайно (как вспоминал Сергей Троицкий, старинный друг Вячеслава) на вопрос о том, что есть соборность, Иванов ответил так: «Соборность есть пол». И еще из разъяснений Сергея Троицкого, показывающих сложность и экзотичность этой среды: «Жертвенность, убийство могли не породить ни тени нравственного осуждения. Преступление корнями своими вплетается в мистические судьбы земли и человека, и не осуждение, а строгое суждение красоты и цельности духа, понимание роковых связей и высокая пощада руководили нравственным чувством». Безусловно, замешанный на ниществе русский модернизм дал подпитку ниществу русской революции.

«Разговоры» Моисея Семеновича Альтмана (1896 – 1986) дают всему «серебрянечному» дискурсу особое освещение: диалоги происходят в 1921–1922 годах в Баку (в 1920–1924 гг. Иванов – профессор Бакинского университета, где защищая докторскую диссертацию «Дионис и прадиионисийство»), вне петербургского культурного контекста, на который Иванов смотрит теперь уже «извне» и отстраненно, нуждаясь в собеседниках для осмысления своего мыслительного метода. Одним из собеседников стал студент и начинающий поэт Моисей Альтман, которому мэтр отрывочно-импровизационно читает курс русского символизма. Великолепие и естественная легкость ивановских импровизаций покоряют и сегодня.

Иванову неофит Альтман тем интереснее, что

изначально принадлежит иной культуре, Ивановым изученной, но не родной: Эли Мойше родился в хасидской семье и начальное образование получил в хедере. Многие мысли Альтмана Иванов воспринимает как «специфически еврейские». Поэтому встреча с ним для Иванова — это встреча эллина (каким Иванов ощущает себя весьма остро) и иудея: «Я, быть может, единственный теперь человек, — говорил Вячеслав 3 февраля 1922 года, — который верит в греческих богов, верит в их существование и реальность». Так возникает слегка театрализованный диалог, который собеседниками возвышается до статуса диалога культур; спор, снимаемый (в соответствии с историческим образцом) категориями христианства: «Я чувствую, как В.И. действует на меня совершенно не так, как кто-либо из писателей действовало на меня до сих пор... Я становлюсь все человечнее, и мне этого хочется. Все смиреннее и благочестивее, все лучшим сыном Отца Небесного».

Это запись из дневника Альтмана от 12 февраля 1921 года: вторая часть книги занята дневниками 1919–1924 годов, автобиографической прозой Альтмана и его стихами. И «разговоры», и дневники весьма подробно прокомментированы (правда, есть и ошибки: например, комментатор запутался в счете жен Вячеслава, и Веру Иванову (Шварсалон) назвал второй, в то время как она была третьей). Задача весьма сложная с учетом универсальности эрудиции Вячеслава Иванова и большого количества цитат в его речи, как явных, так и скрытых. Если добавить, что книга снабжена именным указателем, то всякие сомнения в научности издания отпадут сами собой.

Альтмановские «Разговоры с...» (изданные, кстати, по рукописному подлиннику, хранящемуся в семье покойной сестры Альтмана в Петербурге) — первое научное издание, посвященное Вячеславу Иванову, которое подготовлено и опубликовано в России.

Михаил ЗОЛОТОНОСОВ